

Юай Чоксахват

Последний ПОХОД.

Юай Чоксахват
Последний поход.

«Автор»

2026

Чоксахват Ю.

Последний поход. / Ю. Чоксахват — «Автор», 2026

Отец встречает сыновей как бойцов, а не как детей. Для него семья, долг и война давно слились в одно слово, которое нельзя произносить вполсилы. Но новая реальность требует выбора, к которому никто не готов. Братья оказываются по разные стороны страха, любви и верности. Один ищет своё место рядом с отцом, другой всё больше слышит собственный голос. Когда приходит время решать, цена оказывается выше семейной гордости. «Последний поход» — жёсткая семейная драма о войне, крови, предательстве и любви, которая не отменяет трагедии.

© Чоксахват Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Последний поход	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Юай Чоксахват Последний поход.

Последний поход

Yuai Choksahwat

Серия «Книга времени»

– А ну-ка повернись! Ну и вид у тебя! Что это за балахоны на вас? Так сейчас в этих академиях все ходят? – Так встретил старый Ковалёв двух своих сыновей, учившихся в киевской бурсе, когда те вернулись домой.

Сыновья только слезли с мотоциклов. Два здоровенных парня, все еще смотревшие исподлобья, как будто их только что выпустили из какой-то закрытой школы. На крепких, румяных лицах пробивался первый пушок, еще не тронутый бритвой. Они явно смутились отцовским приемом и стояли молча, опустив глаза.

– Стойте, стойте! Дайте-ка я вас рассмотрю, – продолжал он, поворачивая их вокруг, – что это за тряпки на вас надеты? Таких еще свет не видывал. А ну, побеги кто-нибудь! Посмотрим, не упадет ли, запутавшись в этих полотнищах.

– Не смейся, бать, – сказал наконец старший.

– Смотри-ка, какой важный! А почему бы и не посмеяться?

– Да просто так. Хоть ты и батька, а если будешь смеяться, то, ей-богу, получишь!

– Ах ты, такой-сякой сын! Как, батька?.. – сказал Григорий Ковалёв, отступая на несколько шагов в изумлении.

– Да хоть и батька. За обиду ни на кого смотреть не буду.

– И как же ты со мной драться собрался? На кулаках, что ли?

– Да как угодно.

– Ну, давай на кулаках! – сказал Григорий Ковалёв, засучивая рукава. – Посмотрим, что ты за боец!

И отец с сыном, вместо приветствия после долгой разлуки, начали обмениваться ударами в бока, в поясницу и в грудь, то отступая и оглядываясь, то снова наступая.

– Смотрите, люди добрые! Совсем старый с ума сошел! – говорила бледная, худая и добрая мать, стоявшая на пороге и не успевшая еще обнять своих любимых детей. – Дети домой приехали, больше года их не видели, а он придумал невесть что: драться на кулаках!

– Да он неплохо дерется! – сказал Ковалёв, останавливаясь. – Ей-богу, хорошо! – продолжал он, немного отдышавшись. – Так, хоть бы и не пробовать. Добрый казак будет! Ну, здорово, сынок! Поцелуемся! – И отец с сыном стали обниматься. – Молодец, сынок! Вот так бей всякого, как меня бил; никому не спускай! А все-таки смешной на тебе прикид: что это за веревки висят? А ты, балбес, чего стоишь и руки опустил? – сказал он, обращаясь к младшему. – Что ж ты, пес, меня не бьешь?

– Еще чего выдумал! – говорила мать, обнимая младшего. – И как только такое в голову придет, чтобы родной сын бил отца. Да разве сейчас до этого? Ребенок молодой, столько ехал, устал (а ребенку было уже больше двадцати лет, и ростом он был под два метра), ему бы сейчас отдохнуть и поесть чего-нибудь, а он заставляет его драться!

– Ну и выдумал же ты! – причитала мать, обнимая младшего сына. – И как только такое в голову взбретет – чтобы родной сын отца бил? Да и не до того сейчас: парень молодой, столько ехал, устал (а парню было двадцать с лишним лет, ростом под два метра), ему бы отдохнуть, поесть чего-нибудь, а ты его драться заставляешь!

– Эх, да ты у нас маменькин сынок, я смотрю! – усмехнулся Ковалёв. – Не слушай, сынок, мать: она – баба, она ничего не понимает. Какая вам нежность? Ваша нежность – чистое поле да надежный броневик, вот ваша нежность! А видишь вот этот автомат? Вот ваша мать! Это все ерунда, чем вам головы забивают; и универ, и все эти лекции, учебники, и политология – все это чужь собачья, плевать я на это хотел! – Тут Ковалёв выдал крепкое словцо, которое в приличном обществе не услышишь. – А вот лучше, я вас на той же неделе отправлю на передовую. Вот где наука так наука! Там вам школа; там только ума наберетесь.

– И всего только неделю им дома быть? – жалобно произнесла мать, со слезами на глазах. – И погулять им, бедным, не удастся; не удастся и дом родной толком повидать, и мне не удастся на них наглядеться!

– Хватит, хватит ныть, старуха! Солдат не для того, чтобы с бабами возиться. Ты бы спрятала их обоих себе под юбку, да и сидела бы на них, как на куриных яйцах. Ступай, ступай, да ставь нам скорее на стол все, что есть. Не нужно пирожных, тортиков, рулетов и прочей ерунды; тащи нам целого барана, козу давай, коньяк сорокалетней выдержки! Да водки побольше, не какой-нибудь там настойки, не с клюквой и всякими выкрутасами, а чистой, ядреной водки, чтобы искрилась и шипела как бешеная.

– Да ладно тебе ныть, мать! – отрезал Ковалёв. – Казаки не для того, чтобы с бабами возиться. Засунула бы их обоих под юбку и сидела бы на них, как наседка на яйцах. Живо на стол все, что есть! Никаких пирожков, тортиков, рулетов и прочей ерунды. Целого барана тащи, козу, мед сорокалетней выдержки! И водки побольше, настоящей, без всяких там ароматизаторов и добавок, чтобы шипела и пенилась, как бешеная.

Ковалёв повел сыновей в гостиную. Оттуда мигом выскочили две молодые девушки в ярких платках, которые прибирались в комнате. Видно, испугались приезда молодых хозяев, которые не любили, когда им перечили, или просто хотели соблюсти женский обычай: вскрикнуть и убежать, увидев мужчин, и потом долго прятать лицо от смущения. Гостиная была обставлена в стиле, который сейчас можно увидеть разве что в исторических фильмах или в музеях. Все было чисто и аккуратно. На стенах висели охотничьи ружья, плети, маскировочные сети, рыболовные сети, искусно сделанные рога для пороха, дорогая конская упряжь и браслеты с серебряными застежками. Окна в гостиной были небольшие, с круглыми матовыми стеклами, какие сейчас можно увидеть только в старых церквях. Вокруг окон и дверей были красные полосы. На полках по углам стояли кувшины, бутылки и фляжки из зеленого и синего стекла, резные серебряные кубки, позолоченные рюмки разной работы: турецкой, кавказской, которые попали в дом Ковалёва разными путями, через третьи и четвертые руки, что было вполне обычно в те времена. Деревянные скамьи стояли вдоль стен, огромный стол под иконами в углу, широкая печь с нишами и выступами, покрытая цветной плиткой – все это было хорошо знакомо двум молодым людям, которые приезжали домой на каникулы каждый год. Приезжали потому, что у них еще не было своих машин, и потому, что не принято было позволять студентам ездить на личном транспорте. У них были только длинные волосы, за которые их мог подергать любой казак, носивший оружие. Только после окончания учебы Ковалёв прислал им из своего гаража пару подержанных внедорожников.

По случаю приезда сыновей Ковалёв велел созвать всех командиров рот и весь штаб полка, кто был на месте. Когда пришли двое из них и начальник штаба Дмитрий Товкач, его старый товарищ, он тут же представил им сыновей, говоря: "Вот, смотрите, какие молодцы! Скоро отправлю их на фронт". Гости поздравили и Ковалёва, и обоих юношей и сказали им, что они делают хорошее дело и что нет лучшей школы для молодого человека, чем служба в армии.

По случаю приезда сыновей Григорий Ковалёв велел созвать всех командиров рот и взводов, кто был в городе. Когда явились двое ротных и старый его товарищ, начштаба Дмитро Товкач, он тут же представил им сыновей: "Вот, глядите, какие хлопцы! Скоро на фронт поедут, в

самое пекло". Гости поздравили и Ковалёва, и обоих парней, сказали, что дело нужное, и нет для молодого человека науки лучше, чем война за Родину.

– Ну что, паны-братья, садитесь, где кому удобнее, за стол. Ну, сынки! Прежде всего, по сто грамм за встречу! – провозгласил Ковалёв. – Боже, благослови! За ваше здоровье, сынки: и за тебя, Олег, и за тебя, Ярослав! Дай бог, чтобы вам на войне всегда везло! Чтобы вы "вагнеровцев" били, и "кадыровцев" били, и "мобилов" били; а если поляки что против нас затеют, то и поляков бы били! Ну, подставляй свою рюмку; как, хороша горилка? А как по-английски горилка? Вот то-то, сынку, дураки эти англичане: они и не знают, есть ли на свете горилка. Как там звали этого... что западные мемасики постил? Я в этих ваших интернетах не силен, потому и не знаю: Илон Маск, что ли?

"Вишь, какой батько! – подумал про себя старший сын, Олег, – все старый хрен знает, а еще и прикидывается".

– Я думаю, этот ваш ректор и понюхать вам горилки не давал, – продолжал Григорий. – А признавайтесь, сынки, крепко драли вас ремнем по заднице и по всему, что есть у казака? А может, так как вы стали слишком умные, так, может, и по почкам прилетало? Чай, не только по субботам, а доставалось и в среду, и в четверг?

– Нечего, батько, вспоминать, что было, – ответил хладнокровно Олег, – что было, то прошло!

– Пусть теперь попробует! – сказал Ярослав. – Пускай только теперь кто-нибудь тронет. Вот пусть только подвернется теперь какой-нибудь дрон, будет знать он, что такое казацкая сабля!

– Добре, сынку! Ей-богу, добре! Да коли на то пошло, то и я с вами еду! Ей-богу, еду! Какого черта мне здесь ждать? Чтобы я стал дачником, огородником, смотрел за курами да за свиньями да возился с женой? Да пропади она: я казак, не хочу! Так что же, что нет сейчас большого наступления? Я так поеду с вами на передовую, пострелять. Ей-богу, поеду! – И старый Ковалёв мало-помалу горячился, горячился, наконец рассердился совсем, встал из-за стола и, приосанившись, топнул ногою. – Завтра же едем! Зачем откладывать! Какого врага мы можем здесь высидеть? На что нам эта квартира? К чему нам все это? На что эти вазочки? – Сказав это, он начал колотить и швырять вазочки и бутылки.

Бедная старушка, привыкшая уже к таким выходкам своего мужа, печально глядела, сидя на диване. Она не смела ничего говорить; но, услышав о таком страшном для нее решении, она не могла удержаться от слез; взглянула на детей своих, с которыми ей угрожала такая скорая разлука, – и никто бы не мог описать всей безмолвной силы ее горя, которое, казалось, трепетало в глазах ее и в судорожно сжатых губах.

Жена, привыкшая к выходкам мужа, молча сидела на скамейке. Спорить не смела, но, услышав страшное решение, не сдержала слез. Взглянула на детей, с которыми грозила разлука, – и никто не опишет безмолвную силу ее горя, дрожавшую в глазах и судорожно сжатых губах.

Ковалёв был упрям до невозможности. Из тех, кто мог родиться только сейчас, в тревожные времена, когда страна в огне, когда каждый день – сводки с фронта, когда мужчины уходят по мобилизации, а города содрогаются от прилетов. Когда волонтеры собирают помощь, а беженцы ищут приют. Когда в небе дроны, а в телефонах – лента новостей из Telegram-каналов. Когда на дорогах блокпосты, а в современных городах – тревожные сирены.

Это был характер, выкованный войной. Вместо прежней мирной жизни – окопы, обстрелы, постоянная опасность. Человек привыкает смотреть смерти в лицо, забывая о страхе. Дух народа закаляется в огне, и рождается новое братство – тех, кто вместе, кто помогает, кто защищает.

Иностранцы удивляются живучести и смекалке наших людей. Нет дела, которого бы они не знали: машину починить, генератор запустить, дрон собрать, дом построить, – и вдобавок ко всему, гулять напропалую, когда выдается минута передышки.

А если стране нужна помощь, стоит только военкому объявить о наборе добровольцев – и люди бросают все. Рабочие оставляют станки, айтишники – компьютеры, бизнесмены – офисы. "Хватит сидеть по домам, пора Родину защищать!" – и эти слова падают, как искра в сухое сено. И каждый, кто может держать оружие, садится в машину и едет туда, где нужен больше всего. Русский характер проявляется во всей своей силе и широте.

Ковалёв был упрям до невозможности. Такие характеры рождаются только в наше время, на изломе эпохи, когда страна пылает в огне конфликта, когда каждый день – борьба за выживание. Когда линия фронта проходит через твою землю, когда вчерашний сосед становится врагом, а мирная жизнь кажется далеким сном. Когда государство мобилизует, а добровольцы уходят на передовую, бросая все.

Это время дронов и "птичек", окопов и блиндажей, блокпостов и комендантского часа. Время, когда Telegram-каналы стали главным источником информации, а гуманитарная помощь – единственной надеждой для многих. Время, когда современные города превращаются в руины, а миллионы людей становятся беженцами.

Это время выковало новую породу людей – сильных, негибаемых, готовых на все ради защиты своей земли. Их вытолкнула из народной груди сама жизнь. Вместо прежних тихих городов и сел, где люди жили своими заботами, возникли сплоченные сообщества, объединенные общей бедой и ненавистью к врагу.

Сегодня, как и тогда, их борьба – это не просто защита своей территории, это защита своей идентичности, своей культуры, своего права на существование. Иностранцы удивляются их стойкости и изобретательности. Нет такого дела, которое было бы им не под силу: и дрон собрать, и тепловизор починить, и окоп вырыть, и блиндаж обустроить, и, конечно, отстоять свою землю.

Кроме тех, кто служит по контракту, всегда найдутся добровольцы. Стоит только военкому объявить о наборе, как люди бросают свои дома, работу, семьи и идут на фронт. Слова о защите Родины для них – не пустой звук.

Григорий был одним из таких – коренной, старый командир, рожденный для войны. Прямой и жесткий, он не терпел компромиссов. Он презирал тех, кто пытался приспособиться к новым реалиям, кто забывал о своих корнях и ценностях. Он считал себя защитником правды и справедливости.

Он не признавал никаких властей, кроме власти силы. Если кто-то обижал простых людей, он вмешивался и наказывал виновных. У него было три правила, когда нужно браться за оружие: когда чиновники хамят и издеваются над людьми, когда попирают веру и традиции, и когда враг пришел на твою землю. В этих случаях он считал своим долгом защищать свою землю и свой народ.

Григорий был из тех старых полковников, что костями легли за землю русскую – закалённый в боях, прямой и жёсткий. Времена менялись, и столичная жизнь проникала всюду. Многие заводили столичные порядки, тратили деньги на роскошь, на прислугу, на развлечения. Григорию это было чуждо. Он любил простую жизнь казака и не понимал тех, кто заглядывался на запад, считая их предателями. Неугомонный, он видел себя защитником веры и традиций. Когда до него доходили слухи о притеснениях, о новых поборах, он сам, с верными казаками, ехал разбираться на место. У него было три правила, когда нужно браться за оружие: если чиновники не уважали старших, если глумились над верой отцов, и если враг – басурман или кто другой – посягал на святое.

Сейчас он предвкушал, как приедет с сыновьями в учебку, покажет их инструкторам и скажет: "Вот, смотрите, каких молодцев я вам привёз!". Как представит их старым товарищам, прошедшим огонь и воду. Как будет наблюдать за их первыми успехами в военном деле и в мужских забавах, которые он тоже считал важной частью подготовки воина. Сначала он хотел отправить их одних, но, увидев их силу, их молодость, воинский дух в нём вспыхнул с новой

силой, и он решил ехать вместе с ними, хотя никакой необходимости в этом не было, кроме его упрямого желания. Он уже отдавал приказы, выбирал коней и снаряжение для сыновей, проверял конюшни и склады, отбирал людей, которые поедут с ними завтра. Своему заместителю, Товкачу, он передал командование и строго наказал немедленно поднять полк по тревоге, если от него придёт весточка. Несмотря на выпитое, он ничего не забыл. Даже приказал напоить коней отборным зерном. Уставший от хлопот, он вернулся в дом.

– Ну, дети, пора спать. А завтра будет то, что бог даст. И не стелите нам постель! Она нам не нужна. Будем спать во дворе.

Ночь только начиналась, но Григорий всегда ложился рано. Он растянулся на ковре, накрылся овчинным тулупом, потому что ночной воздух был свежим, и потому что Григорий любил спать в тепле, когда был дома. Вскоре он захрапел, и за ним последовал весь двор. Всё, что лежало в разных углах, захрапело и запело. Первым уснул сторож, потому что больше всех выпил за приезд молодых хозяев.

Ночь только опустилась на город, но Григорий всегда старался рано ложиться. Он растянулся на диване, накрылся теплым пледом, потому что вечера уже были прохладными, да и дома хотелось уюта. Вскоре он засопел, и к нему присоединилась вся квартира – все, кто где устроился, захрапели и забормотали во сне. Первым уснул дежурный по подъезду, потому что он больше всех выпил за приезд "мальчиков".

Только одна бедная мать не спала. Она прильнула к изголовью кровати своих дорогих сыновей, лежавших рядом; она поправляла их молодые, растрепанные волосы и смачивала их слезами; она смотрела на них всем сердцем, всем существом, превратившись в одно зрение, и не могла наглядеться. Она вскормила их, вырастила, вынянчила – и вот, только на миг видит их перед собой. "Сыночки мои, сыночки мои милые! Что с вами будет? Что вас ждет?" – шептала она, и слезы застревали в морщинках, изменивших ее когда-то прекрасное лицо. И правда, она была жалка, как всякая женщина в это тревожное время. Она лишь миг жила любовью, только в первую горячку страсти, в первую горячку юности, – и уже суровый мир отнимал у нее самое дорогое. Она видела мужа урывками, когда он приезжал в отпуск, а потом месяцами не было от него вестей. Да и когда они были вместе, что это была за жизнь? Она терпела тревогу, страх, она видела лишь редкие моменты покоя, она была каким-то странным существом в этом мире мужчин, живущих войной. Молодость без радости промелькнула перед ней, и ее прекрасные щеки и глаза без поцелуев увяли и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, все чувства, все нежное и страстное, что есть в женщине, обратилось у нее в одно материнское чувство. Она с жаром, со страстью, со слезами, как раненая птица, кружила над детьми своими. Ее сыновей, ее милых сыновей забирают от нее, забирают, чтобы, возможно, не увидеть их больше никогда! Кто знает, может быть, при первом обстреле осколок оборвет их жизнь, и она не будет знать, где лежат их тела, а за каждую каплю их крови она отдала бы себя всю. Рыдая, смотрела она им в глаза, когда всемогущий сон начинал уже смыкать их, и думала: "А вдруг Григорий, проснувшись, отложит на пару дней отъезд? Может быть, он задумал так скоро ехать, потому что много выпил".

Луна с высоты неба давно уже освещала двор, наполненный спящими, густые кусты и высокие тополя, окружавшие дом. Она все сидела у изголовья милых сыновей своих, ни на минуту не сводила с них глаз и не думала о сне. Уже машины, чуя рассвет, затихли на улице и перестали ездить; верхние листья тополей начали шелестеть, и мало-помалу шелестящая струя спустилась по ним до самого низу. Она просидела до самого света, вовсе не была утомлена и внутренне желала, чтобы ночь длилась как можно дольше. Со стороны трассы донеслось звонкое бибиканье проезжающей машины; красные полосы рассвета ясно сверкнули на небе.

Григорий вдруг проснулся и вскочил. Он очень хорошо помнил все, что приказывал вчера.

– Ну, хлопцы, хватит спать! Пора, пора! Проверяйте машины! А где моя? (Так он обычно называл жену свою.) Живее, моя, готовь нам завтрак: путь предстоит долгий!

Мать, потеряв надежду, побрела в дом. Пока она со слезами готовила еду, Ковалёв распоряжался, выбирал сыновьям лучшее снаряжение. Парни преобразились: вместо грязных берцов – новые тактические ботинки, штаны карго с множеством карманов, затянутые ремнём с подсумками. К ремню крепились стропы, карабины, мультитул. Куртка-тактика яркого цвета, поверх – разгрузка с подсумками. За поясом – Glock и запасные магазины. Нож на бедре. Лица, ещё не загорелые, казались белее; молодые усы подчёркивали свежесть юности. На головах – балаклавы и тактические шлемы. Мать смотрела на них, не в силах вымолвить слова, слёзы застыли в глазах.

– Готово! Чего ждать? – сказал Ковалёв. – По обычаю, перед дорогой присядем.

Все сели, даже парни, стоявшие у двери.

– Благослови, мать, сыновей! – сказал Ковалёв. – Молись, чтобы воевали храбро, защищали честь, стояли за правду. А иначе – пусть сгинут! Идите к матери: материнская молитва спасёт.

Мать обняла их, достала два маленьких складня с молитвами, надела на шеи, рыдая.

– Пусть хранит вас... Богородица... Не забывайте мать... напишите... – Она не могла говорить.

– Пошли! – сказал Ковалёв.

У дома стояли оседланные кони – пикапы. Ковалёв запрыгнул в свой УАЗ Патриот, который взревел, почувствовав его вес. Григорий был крупным мужчиной.

Увидев, что сыновья сели в машины, мать бросилась к младшему, более нежному. Схватила за ручку двери, прижалась к стеклу, не отпускала. Двое мужчин увели её в дом. Но когда они выехали за ворота, она выбежала, остановила машину, обняла сына с безумной горячностью. Её снова увели.

Когда мать увидела, что сыновья уже сели в машину, она бросилась к младшему, в чертах лица которого всегда было больше нежности. Она схватила его за рукав куртки, прилипла к двери машины и с отчаянием в глазах не отпускала его. Двое крепких мужчин из военкомата бережно оттащили её и увели в дом. Но когда машина выехала за ворота, она со всей легкостью, несообразной её годам, выбежала на дорогу, с непостижимой силой остановила машину и обняла одного из сыновей с какой-то безумной, бесчувственной горячностью. Её снова увели.

Молодые парни ехали подавленные и сдерживали слезы, боясь отца, который, в свою очередь, был тоже несколько смущен, хотя старался этого не показывать. День был серый; зелень газонов сверкала ярко; птицы щебетали как-то невпопад. Они, проехав, оглянулись назад; их поселок как будто ушел в землю; только видны были над землей крыши домов да верхушки деревьев, по которым они лазили в детстве. Один только дальний луг еще стлался перед ними – тот луг, по которому они могли припомнить всю историю своей жизни, от лет, когда играли в футбол на его траве, до лет, когда поджидали там девчонок, боязливо перебежавших через него. Вот уже только вышка сотовой связи одиноко торчит в небе; уже равнина, которую они проехали, кажется издали горой и все собою закрыла. Прощайте и детство, и игры, и всё, и всё!

II

Все трое ехали молча. Полковник Захарченко думал о прошлом: перед ним проходила его молодость, его годы, его пролетевшие годы, о которых всегда жалеет мужчина, желавший бы, чтобы вся жизнь его была молодостью. Он думал о том, кого он встретит в штабе из своих прежних сослуживцев. Он вычислял, кто уже погиб, кто еще жив. Слеза тихо круглилась на его глазу, и поседевшая голова его уныло понурилась.

Все трое ехали молча. Старый Григорий погрузился в воспоминания: перед глазами проносилась молодость, годы, которые, как казалось, пролетели слишком быстро. Он думал о том,

кого встретит на базе из старых товарищей. Прикидывал, кто уже погиб, кто еще жив. Незаметная слеза навернулась на его покрасневших глазах, и седая голова печально поникла.

Сыновья были заняты своими мыслями. О них стоило рассказать подробнее. После двенадцати лет их отдали в Киевскую академию, потому что многие влиятельные люди того времени считали необходимым дать детям образование, хотя потом часто о нем забывали. Сначала они были дикими, как и все новички, воспитанные на воле. В академии они немного "шлифовались" и приобретали что-то общее, делавшее их похожими друг на друга. Старший, Олег, в первый же год сбежал. Его вернули, жестоко выпороли и заставили учиться. Четыре раза он закапывал свой учебник в землю, и четыре раза ему покупали новый. Он повторил бы это и в пятый раз, если бы отец не пообещал отправить его на двадцать лет в монастырь и не поклялся, что он никогда не увидит базу, если не закончит академию. Интересно, что это говорил тот самый Григорий Ковалёв, который ругал учебу и советовал детям ею не заниматься. С тех пор Олег с необычайным усердием принялся за скучные книги и вскоре стал одним из лучших учеников. Тогдашнее образование сильно отличалось от реальной жизни: схоластические тонкости грамматики, риторики и логики никак не соприкасались с действительностью, никогда не применялись и не повторялись в жизни. Ученики не могли применить свои знания на практике. Самые ученые люди были невеждами, потому что были оторваны от опыта. К тому же, республиканский уклад академии, огромное количество молодых, здоровых парней – все это подталкивало их к деятельности вне учебы. Плохое питание, частые наказания голодом, потребности, возникающие у молодых людей, – все это порождало предприимчивость, которая потом проявлялась на базе. Голодные студенты рыскали по улицам Киева, заставляя всех быть осторожными. Продавцы на рынке всегда прикрывали руками пирожки, бублики, семечки, как наседки цыплят, если видели проходящего студента. Старший по курсу, который должен был следить за поведением товарищей, имел такие огромные карманы, что мог спрятать туда всю лавку зазевавшегося торговца. Эти студенты составляли отдельный мир: в высшее общество, состоявшее из польских и русских дворян, их не допускали. Даже глава области, несмотря на покровительство академии, не принимал их в обществе и приказывал держать их в строгости. Впрочем, это было излишне, потому что ректор и профессора-монахи не жалели розог и плетей, и часто помощники старшего по курсу по их приказу пороли своих начальников так жестоко, что те несколько недель почесывали свои штаны. Многим это было нипочем и казалось не крепче хорошей водки с перцем; другим надоедали такие постоянные "припарки", и они убегали на базу, если находили дорогу и их не перехватывали по пути. Олег Ковалёв, несмотря на то, что начал с большим усердием учить логику и даже богословие, никак не избегал наказаний. Естественно, что все это должно было ожесточить характер и придать ему твердость, всегда отличавшую казаков. Олег всегда считался одним из лучших товарищей. Он редко руководил другими в дерзких предприятиях – обобрать чужой сад или огород, но всегда был одним из первых, кто приходил на помощь. Никогда и ни при каких обстоятельствах он не выдавал своих товарищей. Никакие плети и розги не могли заставить его это сделать. Он был равнодушен ко всему, кроме войны и разгульных пирушек; по крайней мере, почти никогда не думал о другом. Он был прямодушен с равными. Он был добр настолько, насколько это было возможно при таком характере и в то время. Он был искренне тронут слезами матери, и это единственное, что его смущало и заставляло задумчиво опустить голову.

Его сыновья были заняты своими мыслями. Но о них стоит рассказать подробнее. В двенадцать лет их отдали в Киевскую академию, потому что все уважаемые люди считали необходимым дать детям образование, хотя потом о нём обычно забывали. Они были такими же, как и все, кто поступал в бурсу: дикие, выросшие на воле. Там они немного "шлифовались" и приобретали что-то общее, делавшее их похожими друг на друга.

Старший, Олег, начал с того, что в первый же год сбежал. Его вернули, жестоко высекли и заставили учиться. Четыре раза он закапывал свой букварь в землю, и четыре раза, отлупив

его, покупали новый. Он повторил бы это и в пятый раз, если бы отец не пообещал ему, что продержит его в церковных послушниках двадцать лет и что он никогда не увидит лагеря, если не выучится в академии. Забавно, что это говорил тот самый Григорий Ковалёв, который ругал учёбу и советовал детям ею не заниматься. С тех пор Олег с необычайным усердием стал заниматься скучными книгами и вскоре стал одним из лучших учеников.

Тогдашнее образование сильно отличалось от жизни: схоластические, грамматические, риторические и логические тонкости не имели отношения к реальности, никогда не применялись и не повторялись в жизни. Ученики не могли применить свои знания, даже если бы они были менее схоластическими. Самые учёные были невеждами, потому что были оторваны от практики. К тому же, республиканское устройство бурсы, огромное количество молодых, сильных и здоровых парней – всё это толкало их к деятельности вне учёбы. Плохое питание, частые наказания голодом, потребности, возникающие у здорового юноши – всё это вместе рождало в них ту предприимчивость, которая потом проявлялась на лагерь. Голодные бурсаки рыскали по улицам Киева, заставляя всех быть осторожными. Торговки на рынке всегда закрывали руками свои пирожки, бублики, семечки, как орлицы – птенцов, если видели бурсака. Консул, который должен был следить за своими товарищами, имел такие огромные карманы в шароварах, что мог спрятать туда всю лавку зазевавшейся торговки.

Бурсаки составляли отдельный мир: в высшее общество, состоявшее из дворян, их не пускали. Даже глава области, несмотря на покровительство академии, не вводил их в общество и приказывал держать их построже. Впрочем, это было излишне, потому что ректор и профессора-монахи не жалели розог и плетей, и часто помощники консула по их приказу пороли своих консулов так жестоко, что те несколько недель почесывали свои штаны. Многим это было нипочём и казалось немного крепче хорошей водки с перцем; другим надоедали такие "припарки", и они убегали на лагерь, если знали дорогу и их не перехватывали.

Олег Ковалёв, несмотря на то, что начал усердно учить логику и даже богословие, не избежал розог. Всё это ожесточило его характер и придало ему твёрдость, которая всегда отличала казаков. Олег всегда был одним из лучших товарищей. Он редко был зачинщиком дерзких предприятий – обобрать чужой сад или огород, но всегда был в первых рядах и никогда не выдавал своих товарищей. Никакие плети и розги не могли его заставить. Он был равнодушен ко всему, кроме войны и разгульных пирушек; по крайней мере, почти ни о чём другом не думал. Он был прямодушен с равными. Доброта в нём проявлялась так, как она могла существовать при таком характере и в то время. Он был тронут слезами матери, и это единственное, что его смущало и заставляло задумчиво опустить голову.

Младший брат, Ярослав, был более чувствительным и развитым. Он учился охотнее и без напряжения, которое было свойственно старшему брату. Он был изобретательнее Олега, чаще был зачинщиком опасных предприятий и иногда, благодаря своему уму, избегал наказания, в то время как Олег, махнув на всё рукой, снимал свитку и ложился на пол, не думая просить о пощаде. Он тоже жаждал подвигов, но его душа была открыта и другим чувствам. Потребность в любви вспыхнула в нём, когда ему исполнилось восемнадцать лет. Женщина стала часто являться в его мечтах; он, слушая философские споры, видел её – свежую, черноглазую, нежную. Перед ним мелькали её сверкающие глаза, прекрасная рука; одежда, облежавшая её девичью фигуру, дышала в его мечтах каким-то невыразимым сладострастием. Он скрывал от товарищей эти порывы своей души, потому что в то время казаку было стыдно думать о женщине и любви, не побывав в бою. В последние годы он реже был вожаком какой-нибудь ватаги, а чаще бродил один где-нибудь в укромном уголке Киева, утопающем в вишнёвых садах, среди низеньких домиков, заманчиво глядевших на улицу. Иногда он забредал и на улицу аристократов, где жили местные и польские дворяне, и дома были построены с изыском.

Однажды, когда он задумался, на него чуть не наехала машина какого-то польского чиновника, и водитель с усамы щёлкнул его кнутом. Молодой бурсак вскипел: схватил мощной

рукой заднее колесо и остановил машину. Но водитель ударил по газам, и Ярослав, успевший отдернуть руку, упал лицом в грязь. Над ним раздался звонкий смех. Он поднял глаза и увидел красавицу, какой ещё не видел: черноглазую и белую, как снег, озарённый утренним солнцем. Она смеялась от души, и смех придавал сияние её красоте. Он остолбенел. Он смотрел на неё, рассеянно вытирая с лица грязь, которой ещё больше размазывался. Кто эта красавица? Он хотел спросить у охраны, которая толпилась у ворот, окружив игравшего на бандуре парня. Но охрана засмеялась, увидев его грязное лицо, и не ответила. Наконец он узнал, что это дочь приехавшего чиновника.

В ту же ночь, с дерзостью, свойственной бурсакам, он пролез через забор в сад, залез на дерево, ветви которого касались крыши дома; с дерева перелез на крышу и через трубу камина пробрался в спальню красавицы, которая сидела перед свечой и снимала серьги. Полячка испугалась, увидев незнакомца, и не могла произнести ни слова; но когда заметила, что бурсак стоит, опустив глаза и не смея пошевелиться, когда узнала в нём того, кто упал перед ней на улице, смех снова овладел ею. К тому же, в чертах Ярослава не было ничего страшного: он был красив. Она смеялась и забавлялась над ним. Красавица была ветрена, но глаза её, ясные, бросали взгляд, полный постоянства. Бурсак не мог пошевелиться и был связан, когда дочь чиновника подошла к нему, надела ему на голову свою диадему, повесила на губы серьги и накинула на него прозрачную накидку с вы

Младший брат, Ярослав, был более эмоциональным и восприимчивым. Учился он легко, без того напряжения, которое обычно свойственно людям с тяжелым и упрямым характером. Он был изобретательнее Олега, часто становился зачинщиком рискованных авантур и, благодаря своей смекалке, умел избегать наказания. Олег же, махнув на все рукой, просто сбрасывал свитку и ложился на пол, не думая о прощении. Ярослав тоже жаждал подвигов, но его душа была открыта и другим чувствам. Потребность в любви вспыхнула в нем с новой силой, когда ему исполнилось восемнадцать. Женщина все чаще являлась в его горячих мечтах; даже слушая философские споры, он видел ее повсюду – свежую, черноглазую, нежную. Перед ним постоянно мелькали ее сверкающие плечи, изящные руки; даже одежда, облежавшая ее девичью фигуру, казалась ему воплощением невыразимой чувственности. Он тщательно скрывал эти порывы юношеской души от товарищей, потому что в те времена считалось неприличным казаку думать о женщинах и любви, не понюхав пороху. В последние годы он редко становился предводителем какой-нибудь шайки, предпочитая бродить в одиночестве по укромным уголкам Киева, утопающим в вишневых садах, среди маленьких домиков, заманчиво выглядывающих на улицу. Иногда он забредал и на улицу аристократов, в старом районе Киева, где жили украинские и польские дворяне, и дома были построены с некоторой претензией. Однажды, зазевавшись, он чуть не попал под колеса внедорожника какого-то польского пана, и водитель с огромными усами хлестнул его плеткой. Молодой студент вскипел: с безумной смелостью схватил он мощной рукой за заднее колесо и остановил машину. Но водитель, опасаясь расправы, ударил по газам – и Ярослав, успевший отдернуть руку, упал лицом в грязь. Звонкий и мелодичный смех раздался над ним. Он поднял глаза и увидел стоявшую у окна красавицу, какой еще не видывал: черноглазую и белую, как снег, озаренный утренним солнцем. Она смеялась от души, и смех придавал сияние ее ослепительной красоте. Он остолбенел. Он смотрел на нее, растерянно вытирая с лица грязь, которой только больше размазывался. Кто эта красавица? Он хотел было узнать у охраны, которая толпилась у ворот, окружив игравшего молодого бандуриста. Но охрана, увидев его грязную физиономию, подняла смех и не удостоила его ответом. Наконец он узнал, что это дочь приехавшего на время ковенского воеводы. В ту же ночь, с дерзостью, свойственной студентам, он перелез через забор в сад, вскарабкался на дерево, ветви которого касались крыши дома; с дерева перебрался на крышу и через вентиляционную шахту проник прямо в спальню красавицы, которая в это время сидела перед зеркалом и снимала серьги. Прекрасная полька так испугалась, увидев перед собой незнако-

мого человека, что не могла вымолвить ни слова; но, заметив, что студент стоит, опустив глаза и не смея пошевелиться от робости, узнав в нем того самого, который упал перед ее глазами на улице, смех вновь овладел ею. К тому же в чертах Ярослава не было ничего страшного: он был очень красив. Она от души смеялась и долго забавлялась над ним. Красавица была ветрена, как и все польки, но глаза ее, чудесные, пронзительно-ясные, бросали взгляд долгий, как обещание верности. Студент не мог пошевелиться и был скован, как в мешке, когда дочь воеводы смело подошла к нему, надела ему на голову свою блестящую диадему, повесила на губы серьги и накинула на него прозрачную шелковую накидку с фестонами, вышитыми золотом. Она наряжала его и делала с ним тысячу разных глупостей с непринужденностью ребенка, которой отличаются ветреные польки, и которая повергла бедного студента в еще большее смущение. Он представлял собой смешную фигуру, раскрыв рот и глядя неподвижно в ее ослепительные глаза. Раздавшийся в это время стук в дверь испугал ее. Она велела ему спрятаться под кровать, и как только опасность миновала, она позвала свою горничную, бывшую беженку, и приказала ей осторожно вывести его в сад и оттуда отправить через забор. Но на этот раз студенту не так повезло: проснувшийся охранник хорошо ударил его по ногам, и собравшаяся охрана долго колотила его уже на улице, пока быстрые ноги не спасли его. После этого проходить возле дома было опасно, потому что охраны у воеводы было много. Он встретил ее еще раз в костеле: она заметила его и очень приветливо улыбнулась, как старому знакомому. Он видел ее мельком еще один раз, и вскоре воевода уехал, и вместо прекрасной черноглазой польки из окон выглядывало какое-то толстое лицо. Вот о чем думал Ярослав, повесив голову и уставившись в гриву своего коня.

А между тем, степь давно приняла их в свои объятия, и высокая трава, сомкнувшись, почти скрыла их. Только макушки голов мелькали над колышущимся морем зелени.

– Эй, что это вы, хлопцы, притихли? – окликнул вдруг Ковалёв, словно проснувшись. – Как будто на похоронах! Все дурные мысли – к черту! Доставайте сигареты, затанемся, да прищпорим коней, чтобы ветер в ушах свистел!

Казакки пригнулись к шеем коней, и вскоре их совсем не стало видно в траве. Только волна примятой растительности указывала на их стремительный бег.

Солнце уже высоко поднялось в чистом небе и щедро заливало степь своим теплом. Мгновенно улетучилась всякая сонливость и тяжесть из душ казаков; сердца их забились радостнее, как у птиц.

Чем дальше они продвигались, тем прекраснее становилась степь. Весь юг, вся эта огромная территория, которую сейчас называют Новороссией, до самого моря, представляла собой зеленую, нетронутую пустыню. Плуг никогда не касался этих бескрайних просторов дикой растительности. Только кони, прятаящиеся в траве, словно в лесу, вытаптывали ее. Невозможно было представить себе что-то более прекрасное. Земля казалась зелено-золотым океаном, усыпанным миллионами цветов. Среди тонких стеблей травы виднелись голубые васильки, синие колокольчики и лиловые люпины; желтый дрок тянулся вверх своими пирамидальными соцветиями; белая кашка зонтиками пестрела повсюду; занесенный невесть откуда колос пшеницы наливался соком в гуще травы. Под корнями шныряли перепела, вытягивая свои шеи. Воздух был наполнен тысячами различных птичьих голосов. В небе неподвижно парили ястребы, распластав крылья и устремив взгляд в траву. Крик стаи диких гусей, летевшей вдалеке, эхом отдавался над озером. Из травы, мерно взмахивая крыльями, поднималась чайка и купалась в синих волнах воздуха. Вот она исчезла в вышине, превратившись в едва заметную черную точку. Вот она перевернулась крыльями и блеснула на солнце... Черт возьми, степь, до чего же ты хороша!

Степь становилась всё прекраснее. Сейчас весь этот юг, вся территория нынешней Новороссии, до самого Чёрного моря, – это зелёная, обжитая земля. Но и сейчас есть места, где не ступала нога человека, где кони пасутся, как в лесу. И ничего в природе не может быть лучше.

Земля – как зелёно-золотой океан, усыпанный миллионами разных цветов. Среди тонких стеблей травы виднеются голубые васильки, жёлтый донник тянется пирамидальной верхушкой вверх, белая кашка зонтиками пестреет повсюду. Колосья пшеницы, занесённые ветром, наливаются в гуще травы. Под корнями шныряют куропатки, вытягивая шеи. Воздух наполнен тысячами птичьих голосов. В небе застыли ястребы, распластав крылья и устремив взгляд в траву. Крик диких гусей, летящих вдалеке, эхом разносится над озёрами. Из травы взлетает чайка и купается в синих волнах воздуха. Вот она исчезла в вышине, лишь чёрная точка видна. Вот перевернулась крыльями и блеснула на солнце... Чёрт возьми, степь, как ты хороша!

Наши путешественники останавливались лишь на короткий перекус. Сопровождавший их отряд из десяти бойцов спешил, доставал из рюкзаков фляги с самогоном и пластиковые контейнеры с едой. Ели бутерброды с салом или сухой паёк, выпивали по глотку – чисто для бодрости, потому что атаман Волк не любил пьянства в дороге. И снова в путь, до самого вечера.

Вечером степь преображалась. Последние лучи солнца окрашивали горизонт в багряные тона, и постепенно всё вокруг погружалось в полумрак. Тени становились гуще, трава – тёмно-зелёной. От земли поднимался лёгкий туман, и воздух наполнялся ароматом полевых цветов. Небо, тёмно-синее, словно расписанное гигантской кистью, украшали широкие полосы розового золота. Редкие облака, лёгкие и прозрачные, плыли по небосклону. Лёгкий ветерок, свежий и ласковый, едва колыхал верхушки травы.

Дневные звуки стихали, уступая место ночным. Суслики вылезали из норок и оглашали степь свистом. Стрекотание кузнечиков становилось громче. Издалека доносился крик лебедя, разносившийся по воздуху серебряным эхом.

Остановившись на ночлег посреди поля, бойцы разводили костёр и ставили на него котелок с кашей. Пар поднимался в воздух, смешиваясь с дымом. Поужинав, солдаты ложились спать, распустив коней пастись. Они смотрели на звёзды, усыпанные по небу, и слушали бесчисленные звуки ночных насекомых – треск, свист, стрекотание. Всё это звучало в свежем воздухе и убаюкивало их. Если кто-то просыпался ночью, то видел, как степь усыпана мерцающими искрами светлячков. Иногда ночное небо озарялось вдалеке заревом от горящей травы, и тёмная вереница лебедей, летящих на север, вдруг освещалась серебристо-розовым светом, и казалось, что по небу летят красные платки.

Путешествие продолжалось без происшествий. Вокруг простиралась бескрайняя степь. Лишь изредка вдали виднелись верхушки леса, тянувшегося вдоль берегов реки. Однажды Волк указал сыновьям на маленькую точку, черневшую в траве: «Смотрите, дети, вон бежит диверсант!» Маленькая фигурка с автоматом издала смотрела на них, приюхиваясь к воздуху, как ищейка. Увидев, что их тринадцать человек, диверсант скрылся в траве. «Ну что, дети, попробуйте догнать диверсанта!.. Не пытайтесь – не поймаете: у него машина быстрее нашего "Урала"».

Всё же Волк решил перестраховаться, опасаясь засады. Они подъехали к небольшой речке, впадающей в Днепр, и переправились на другой берег, чтобы скрыть следы. Затем они продолжили свой путь.

Дорога шла без особых происшествий. Вокруг простиралась всё та же бескрайняя степь. Лишь изредка вдалеке синели верхушки леса, тянувшегося вдоль Днепра. Однажды Григорий указал сыновьям на маленькую точку, черневшую в траве: "Вон, дети, "птичка" летит". Маленький дрон с камерой завис вдалеке, словно приюхиваясь, и, заметив, что их три человека, тут же улетел. "Не пытайтесь догнать, – сказал Ковалёв, – не поймаете. У него скорость как у "Байракта"". Ковалёв, однако, решил перестраховаться, опасаясь засады. Они подъехали к небольшой речке, впадавшей в Днепр, и долго ехали по воде, чтобы скрыть следы. Затем, выбравшись на берег, продолжили путь.

Через три дня они были уже недалеко от цели. В воздухе похолодало, чувствовалась близость Днепра. Вдали он сверкал, отделяясь темной полосой от горизонта. Холодные волны приближались, и вскоре река заняла половину земли. Это было место, где Днепр, вырвавшись из порогов, шумел, как море, разливаясь по воле. Острова теснили его, и волны широко расстилались по земле, не встречая преград. Казаки спешили, пересели на паром, и через три часа были у берегов Хортицы, где располагался их лагерь.

На берегу толпился народ, споря с перевозчиками. Казаки привели коней в порядок. Григорий приосанился, подтянул ремень и гордо провел рукой по усам. Молодые сыновья тоже оглядели себя с ног до головы с волнением, и все вместе въехали в пригород, находившийся в километре от лагеря. При въезде их оглушили звуки работы: в мастерских что-то пилили, строгали, чинили. Под навесами сидели люди и плели маскировочные сети. В палатках продавали рации, аккумуляторы, пауэрбанки. Продавец предлагал термобелье. Повар жарил мясо на гриле. Какой-то мужик из бочки наливал самогон. Первым, кто попался им навстречу, был военный, спавший прямо посреди дороги, раскинув руки и ноги. Григорий Ковалёв не мог не остановиться и не полюбоваться на него.

– Эх, как развернулся! Вот это фигура! – сказал он, остановив коня.

Действительно, зрелище было впечатляющее: военный растянулся на дороге, словно лев. Чуб его касался земли. Форма была грязной. Полюбовавшись, Ковалёв двинулся дальше по узкой улице, загроможденной мастерскими и людьми разных национальностей. Этот пригород напоминал рынок, он одевал и кормил лагерь, который умел только воевать.

И правда, зрелище было то еще: боец, словно лев, развалился посреди дороги. Чуб, выбритый по бокам, занимал чуть ли не полметра вокруг головы. Штаны камуфляжной расцветки были нарочито вымазаны грязью, словно в знак полного презрения к условностям. Полюбовавшись, Ковалёв двинулся дальше по узкой улочке, запруженной мастерами, прямо тут же занимавшимися своим делом, и людьми всех мастей, наводнявшими этот пригород, кормивший и одевавший базу, которая умела только воевать да палить из автоматов.

Наконец они миновали пригород и увидели несколько разбросанных блиндажей, крытых дерном или, по-военному, маскировочной сеткой. Кое-где стояли минометы. Нигде не было ни забора, ни каких-либо укреплений. Небольшой вал и противотанковые ежи, казалось, никем не охранялись, что говорило о поразительной беспечности. Несколько крепких бойцов, лежавших с вейпами в зубах прямо на дороге, посмотрели на них довольно равнодушно и не пошевелились. Григорий осторожно проехал с сыновьями между ними, сказав: "Здорова, хлопцы!" – "И вам не хворать!" – ответили те. Везде, по всему полю, живописными группами пестрел народ. По загорелым лицам было видно, что все они прошли через бои, испытали всякие лишения. Вот она, база! Вот то гнездо, откуда вылетают все эти гордые и сильные, как львы! Вот откуда разливается воля и казацкий дух на всю Украину!

Путники выехали на просторную площадь, где обычно собирались на вече. На большой перевернутой бочке сидел боец без футболки: он держал ее в руках и медленно зашивал дыры. Им опять преградила дорогу целая толпа музыкантов, в центре которых отплясывал молодой боец, лихо заломив кепку и вскидывая руками. Он кричал только: "Живее играйте, музыканты! Не жалей, Толик, пива для православных!" И Толик, с фингалом под глазом, наливал без счета каждому желающему по огромной кружке. Вокруг молодого бойца четверо старых выписывали ногами довольно замысловатые движения, подпрыгивали, как вихрь, в сторону, чуть ли не на голову музыкантам, и, вдруг опустившись, неслись вприсядку и били круто и крепко своими берцами по плотно утоптанной земле. Земля глухо гудела на всю округу, и в воздухе далеко отдавались гопак и тропак, выбиваемые звонкими подошвами берцев. Но один всех живее выкрикивал и летел вслед за другими в танце. Чуб развевался по ветру, вся открыта была сильная грудь; теплый зимний бушлат был надет на распашку, и пот градом лил с него, как из ведра. "Да сними хоть бушлат! – сказал наконец Григорий. – Видишь, как жарко!" – "Нельзя!"

– кричал боец. "Почему?" – "Нельзя; у меня уж такой обычай: что сниму, то пропью". А кепки уж давно не было на молодце, ни разгрузки на бушлате, ни шеврона; все пошло куда следует. Толпа росла; к танцующим присоединялись другие, и нельзя было смотреть без внутреннего волнения, как все отдавались танцу самому вольному, самому яростному, какой только видел когда-либо свет и который, по своим мощным создателям, назван гопаком.

– Эх, если бы не конь, – воскликнул Григорий, – сам бы сейчас в пляс пустился, вот ей-богу!

А меж тем в толпе начали попадаться и солидные, уважаемые люди, известные всей базы, седые, с длинными усами, не раз бывавшие командирами. Григорий быстро встретил множество знакомых лиц. Олег и Ярослав только и слышали приветствия: "А, это ты, Печерица! Здорово, Козолуп!" – "Какими судьбами тебя сюда занесло, Григорий?" – "Как ты здесь оказался, Долото?" – "Привет, Кирдяга! Здорово, Густый! Думал ли я тебя увидеть, Ремень?" И бойцы, съехавшиеся со всех концов вольной земли восточной России, обнимались по-братски; и тут же посыпались вопросы: "А что Касьян? Что Бородавка? Что Колопер? Что Пидсышок?" И только и слышал в ответ Григорий Ковалёв, что Бородавка погиб под Толопанью, что Колопер пропал без вести под Кизикерменом, что Пидсышок где-то воюет. Поник головой старый Ковалёв и задумчиво проговорил: "Славные были ребята!"

III

Уже около недели Григорий Ковалёв с сыновьями жил на базе добровольцев. Олег и Ярослав не особо интересовались строевой подготовкой. Здесь не любили тратить время на военные упражнения; новобранцы учились всему на практике, прямо в зоне боевых действий, которые шли почти непрерывно. В перерывах между ротациями скучали от изучения уставов, разве что стреляли по мишеням да изредка гоняли на квадроциклах по окрестностям; все остальное время отдавалось отдыху – признаку широкой души.

Вся база представляла собой необычное зрелище. Это был какой-то непрерывный праздник, ярмарка, начавшаяся шумно и никак не заканчивающаяся. Кто-то занимался ремонтом техники, другие держали небольшие склады и торговали, но большинство гуляло с утра до вечера, пока в карманах звенела наличность и добытое не перешло в руки перекупщиков. В этом общем веселье было что-то завораживающее. Это не было сборище пьяниц, заливающих горе, а просто безудержное проявление радости. Каждый, кто сюда попадал, забывал и бросал все, что его раньше волновало. Он, можно сказать, плевал на свое прошлое и беззаботно предавался воле и товариществу таких же, как он, гуляк, не имевших ни родных, ни дома, ни семьи, кроме вольного неба и вечного праздника души. Это порождало ту безумную веселость, которая не могла бы родиться ни из какого другого источника.

Разговоры и болтовня в собравшейся толпе, лениво отдохавшей на земле, часто были настолько смешными и дышали такой силой живого рассказа, что нужно было обладать всей невозмутимостью бывалого бойца, чтобы сохранять неподвижное выражение лица, не дрогнув даже бровью, – резкая черта, отличающая до сих пор южного россиянина. Веселье было пьяным, шумным, но при всем том это не был черный кабак, где в мрачном угаре забывается человек; это был тесный круг школьных друзей. Разница была только в том, что вместо сидения за партой и скучных речей учителя они участвовали в рейдах на бронетехнике; вместо стадиона, где играют в футбол, у них была линия фронта, в виду которой враг выказывал свою технику и неподвижно, сурово смотрел оператор дрона в своем окопе. Разница в том, что вместо принудительной воли, соединившей их в школе, они сами бросили отцов и матерей и сбежали из родительских домов; что здесь были те, у кого уже висела над головой судимость и кто вместо тюрьмы увидел жизнь – и жизнь во всем разгуле; что здесь были те, кто по благородному обычаю не мог удержать в кармане своем ни копейки; что здесь были те, кто до этого тысячу рублей считал богатством, у которых карманы можно было вывернуть без всякого опасения что-нибудь выронить. Здесь были все, кто не вытерпел армейской муштры и не вынес из учебки

ни одного полезного навыка; но вместе с ними здесь были и те, кто знал, что такое тактика, стратегия и современная война. Тут было много тех офицеров, которые потом отличались в регулярных войсках; тут было множество опытных добровольцев, которые имели благородное убеждение, что все равно, где воевать, лишь бы воевать, потому что неприлично благородному человеку быть без дела. Много было и таких, кто пришел сюда с тем, чтобы потом сказать, что они были на передовой и уже закаленные бойцы. Но кого тут только не было? Эта странная республика была именно тем, что требовалось в то время. Любители военной жизни, золотых гор, богатых трофеев во всякое время могли найти здесь работу. Только любители женщин не могли найти здесь ничего, потому что даже на подступах к базе не смела появляться ни одна женщина.

Уже около недели Григорий Ковалёв с сыновьями жил на базы. Олег и Ярослав не торопились вливаться в военную подготовку. На базы не любили тратить время на учения; молодежь росла и училась прямо в бою, а потому сражения шли почти непрерывно. В перерывах казаки скучали от всякой дисциплины, разве что пострелять по мишеням или погонять зверя в степи. Остальное время отдавалось гуляньям – признаку широкой души.

Вся база была похожа на бесконечный праздник, шумный бал без конца. Кто-то занимался ремеслами, кто-то держал лавки и торговал, но большинство гуляло с утра до вечера, пока звенели деньги в карманах и добро не утекало к торгашам и шинкарям. В этом общем пиршестве было что-то завораживающее. Это не было сборище пьяниц, топивших горе в вине, а было безудержное веселье. Каждый, кто попадал сюда, забывал обо всем, что его занимало раньше. Он словно плевал на прошлое и беззаботно отдавался воле и товариществу таких же гуляк, у которых не было ни родных, ни дома, ни семьи, кроме вольного неба и вечного праздника души. Отсюда и рождалась эта бешеная веселость, которую нигде больше не встретишь.

Рассказы и байки в толпе, лениво развалившейся на земле, часто были до того смешны и полны жизни, что нужно было иметь невозмутимость добровольца, чтобы не дрогнул ни один ус – черта, отличающая южного россиянина и по сей день. Веселье было пьяным, шумным, но это не был мрачный кабац, где человек забывается в унылом веселье; это был тесный круг школьных товарищей. Только вместо сидения за партой и скучных речей учителя они шли в набег на пяти тысячах коней; вместо лужайки для игр у них были беззащитные границы, где татарин мелькал своей бритой головой, а турок сурово смотрел из-под зеленой чалмы. Вместо принуждения, объединявшего их в школе, они сами бросали отцов и матерей и бежали из дома; здесь были те, у кого веревка уже висела на шее, и кто вместо бледной смерти увидел жизнь во всем ее разгуле; здесь были те, кто по своей щедрости не мог удержать в кармане ни копейки; те, для кого червонец был богатством, у кого, благодаря жадным арендаторам, карманы можно было вывернуть наизнанку, не боясь что-нибудь потерять. Здесь были все, кто не выдержал академической зубрежки и не вынес из школы ни одной буквы; но вместе с ними были и те, кто знал Горация, Цицерона и историю Римской республики. Тут было много офицеров, которые потом прославились в королевских войсках; множество опытных партизан, убежденных, что все равно, где воевать, лишь бы воевать, потому что благородному человеку неприлично сидеть без дела. Многие приходили на базу, чтобы потом рассказывать, что были там и стали закаленными воинами. Кого тут только не было! Эта странная республика была нужна тому времени. Любители военной жизни, золотых кубков, богатых тканей, дукатов и реалов всегда могли найти здесь работу. Только поклонники женщин не находили здесь ничего, потому что даже в пригороде базы не смела показаться ни одна женщина.

Олегу и Ярославу казалось странным, что на их глазах на базу прибывают люди, и никто не спрашивает: откуда они, кто они и как их зовут. Они приходили сюда, словно возвращались в свой дом, из которого вышли час назад. Пришедший просто являлся к командиру базы, который обычно говорил:

Олегу и Ярославу казалось невероятным, что прямо у них на глазах прибывают в базу люди, и никто даже не спросит: кто они, откуда, как зовут. Они приходили, словно возвращались в родной дом, из которого вышли всего час назад. Новоприбывший подходил к командиру базы, который обычно спрашивал:

– Здравствуй! В Бога веришь?

– Верю! – отвечал тот.

– В Троицу святую веришь?

– Верю!

– В церковь ходишь?

– Хожу!

– Ну, перекрестись!

Пришедший крестился.

– Ладно, – говорил командир базы, – иди в любой курень, какой приглянется.

На этом вся церемония заканчивалась. И вся база молилась в одной церкви и готова была защищать её до последней капли крови, хотя о постах и воздержании слышать не желала. Только движимые жаждой наживы дельцы, рисковали жить и торговать рядом, потому что казаки не любили торговаться: сколько рука достала из кармана, столько и платили. Впрочем, участь этих торгашей была незавидной. Они напоминали тех, кто селился у подножия вулкана: как только у казаков заканчивались деньги, удалцы громили их лавки и брали всё даром. базу состояла из шестидесяти с лишним куреней, похожих на отдельные, независимые республики, или, скорее, на школу-интернат, где всё готово. Никто ничего не заводил и не держал при себе. Всё было у куренного атамана, которого за это звали батькой. У него хранились деньги, одежда, еда, всё необходимое; ему отдавали деньги на хранение. Нередко между куренями вспыхивали ссоры. В таком случае дело сразу доходило до драки. Курени сходились на площади и кулаками выясняли отношения, пока одни не брали верх. Тогда начиналось гулянье. Такова была эта база, полная приманок для молодых парней.

Олег и Ярослав с юношеским пылом окунулись в эту вольную жизнь, быстро забыв и отчий дом, и учебу, и прежние заботы. Их занимало все: порядки базы добровольцев, несложные правила, которые порой казались даже слишком строгими для такого вольного сообщества. Если доброволец провинился, украл что-то незначительное, это считалось позором для всех: его, как опозоренного, привязывали к столбу позора, и каждый проходящий должен был ударить его палкой, пока не забивали насмерть. Неплательщика долга приковывали цепью к столбу, где он должен был сидеть, пока кто-нибудь из товарищей не выкупал его, заплатив долг. Но больше всего Ярослава поразила страшная казнь за убийство. Тут же, при нем, вырыли яму, опустили туда живого убийцу, а сверху поставили гроб с телом убитого, и обоих засыпали землей. Долго потом ему снился этот жуткий обряд и заживо погребенный человек с ужасным гробом.

Вскоре оба молодых добровольца стали на хорошем счету. Часто вместе с другими бойцами своего подразделения, а иногда и со всем подразделением и соседними, выезжали они в поля пострелять дичь, или выходили на озера и реки, закрепленные за каждым подразделением, закидывать сети и ловить рыбу для пропитания. Хотя здесь и не было учений, где проверяется боец, они выделялись среди других молодых удалью и везением во всем. Метко стреляли в цель, переплывали Днепр против течения – дело, после которого новичка торжественно принимали в ряды добровольцев.

Но старый Григорий готовил им другое занятие. Ему не нравилась такая праздная жизнь – он хотел настоящего дела. Он думал, как бы поднять базу на смелую операцию, где можно было бы развернуться как следует. Наконец, однажды он пришел к командиру и прямо сказал:

– Что, комбат, пора бы нашим повоевать?

– Негде воевать, – ответил комбат, вынимая изо рта электронную сигарету и сплевывая в сторону.

– Как негде? Можно пойти на ту сторону, или к тем, кто на востоке.

– Нельзя ни туда, ни туда, – ответил комбат, снова беря в рот свою сигарету.

– Как нельзя?

– Так. У нас перемирие с теми.

– Да ведь они враги: и страна, и правда велит бить врагов.

– Не имеем права. Если бы не клялись еще нашей честью, то, может быть, и можно было бы; а теперь нет, нельзя.

– Как нельзя? Как же ты говоришь: не имеем права? Вот у меня два сына, оба молодые ребята. Еще ни разу ни тот, ни другой не были на настоящей войне, а ты говоришь – не имеем права; а ты говоришь – не нужно идти нашим.

– Ну, уж не стоит так говорить.

– Так, значит, стоит, чтобы пропала даром сила, чтобы человек сгинул, как собака, без доброго дела, чтобы ни стране, ни людям не было от него никакой пользы? Так на что же мы живем, на какого черта мы живем? Объясни ты мне это. Ты человек умный, тебя недаром выбрали в комбаты, объясни ты мне, на что мы живем?

Комбат не ответил на этот вопрос. Это был упрямый человек. Он немного помолчал и потом сказал:

– А войны все равно не будет.

– Так не будет войны? – спросил опять Григорий.

– Нет.

– Так уж и думать об этом нечего?

– И думать об этом нечего.

– И думать забудь об этом.

"Погоди, ты, хитрая лиса!" – подумал про себя Ковалёв. – "Я тебе покажу!" И тут же решил отомстить этому начальнику.

Сговорившись с несколькими казаками, он устроил для всех знатную попойку. Подвыпившие мужики, человек десять, двинулись прямо к площади, где стояли привязанные к столбу барабаны, в которые обычно били сбор на вече. Не найдя палок, которые всегда хранились у дежурного, они схватили по полену и начали колотить в барабаны. На шум первым прибежал дежурный, высокий мужик с одним глазом, но, несмотря на это, страшно заспанный.

– Кто смеет бить в барабаны? – заорал он.

– Молчи! Возьми свои палки и колоти, когда тебе велят! – ответили подвыпившие старшины.

Дежурный тут же вынул из кармана палки, которые он предусмотрительно взял с собой, зная, чем обычно заканчиваются подобные происшествия. Барабаны загремели, и вскоре на площадь, словно пчелы, стали собираться толпы казаков. Все встали в круг, и после третьего удара показались наконец старшины: командир базы с булавой в руке – знаком его власти, судья с войсковой печатью, писарь с планшетом и есаул с жезлом. Командир базы и старшины сняли шапки и поклонились на все стороны казакам, которые гордо стояли, подперев руки в бока.

– Что значит это собрание? Чего хотите, панове? – спросил командир базы. Брань и крики не дали ему говорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.